

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

(К 110-летию со дня смерти А. В. Кольцова)

Сто десять лет минуло со дня смерти Алексея Васильевича Кольцова, и за этот долгий период угасли сотни имен его современников-поэтов. А имя Кольцова все светится, и в наше требовательное советское время приобретает новую жизнь. Вот совсем недавно народная артистка СССР Н. А. Обухова рассказала нам по радио о своей любви к песне Кольцова «Грусть девушки», за выраженное в этой песне глубокое человеческое чувство. Народный артист СССР А. Б. Гольденвейзер недавно создал шесть песен на слова Кольцова. Лирические мотивы Кольцова находят отзвук в творчестве Исаковского, Твардовского, Суркова, Прокофьева, Долматовского и других советских поэтов. Песни Кольцова осваиваются литераторами братских народов Советской страны.

А ведь признание и слава дались Кольцову не сразу и не легко. При жизни многие литераторы отнеслись к нему с барскими оскорбительным снисхождением, как к поэту-самоучке, «прасолу». Вульгарные социологи уверяли, будто поэзия Кольцова является выражением «литературного стиля городского мещанства».

Ныне советское литературоведение может оценить Кольцова со всей исторической правдивостью и справедливостью.

Кольцов прошел необычно тяжелую школу жизни; в этом он сближается с молодым Горьким. Его отец являлся хищником — стяжателем, дельцом первоначального накопления. С отрочества Кольцов был привлечен к торговым махинациям отца, и с тех пор до конца жизни мещанство держало его в своих цепких когтях. Он не мог вырваться из этих когтей, несмотря на всю ненависть свою к торгашеству и на все усилия друзей выручить его. Всего страшнее тут была внутренняя власть мещанства, власть его духовной ограниченности, косности, бескультурья пережитков архаического мировоззрения и морали. Всею свою недолгую жизнь Кольцов преодолевал эти «свинцовые мерзости», как Чехов — выдавливая из себя по капле раба. Пережитки долго сказывались и в творчестве Кольцова. Тем выше следует оценить его победы и заслуги.

Какой тягостной являлась жизнь Кольцова, показывает известный эпизод, когда крепостная девушка

Дуняша (купленная на чужое имя) была тайно продана кулаком-отцом, узнавшим, что сын собирается жениться на ней. По свидетельству Белинского, Дуняша скоро умерла «в муках жестокого обращения». Так рано столкнулся Кольцов с основным злом эпохи — крепостничеством.

По самому быту Кольцов был близок к народу, как редко кто из писателей тридцатых годов. Тяжело пережил он страшный воровской голод 1839 года: «куда ни глянешь, — везде унылые лица; поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать». Чуткая душа поэта, вдохновленная тяжелыми переживаниями, легче и глубже воспринимала влияние освободительных идей, шедших от передовых общественных кругов.

Величайшим событием в духовной жизни Кольцова стало сближение с Белинским и столичными кругами. Это был стремительный взлет вверх. Вот неполный перечень имен столичных знакомых: Белинский, Станкевич, Чаадаев, Боткин, Жуковский, В. Ф. Одоевский, Полевой. В Петербурге Кольцов был признан и облакан самим Пушкиным.

Жадный к познаниям, Кольцов с годами становился одним из самых начитанных писателей. В 1839

году он писал Белинскому: «Какой богач я стал хорошими книгами, — есть что читать. Ваш подарок получил: «Отечественные записки», «Современник» то же; от Губера получил «Фауста», от Владиславлева альманах «Утреннюю Зарю». Купил полное сочинение Пушкина, «Историю философских систем» Галича... Еще надобно обзавестись непременно Историей Карамзина». При первом появлении Кольцова в печати, его легко причислили к готовой уже группе писателей-«самоучек» Алапанова, Слепушкина, Суханова и других. Это грубая ошибка. По высокой личной одаренности, по освоению художественной традиции, начиная с Пушкина, и по глубокому идейному влиянию Белинского — Кольцова необходимо включить в «большую» русскую литературу.

Особо следует выделить Белинского. При первой встрече с ним Кольцова, в 1831 году, Белинский являлся автором запрещенной антикрепостнической пьесы «Дмитрий Калинин». Кольцов, конечно, познакомился с ее содержанием. И позднее, в течение целого десятилетия, он, хотя и с небольшими перерывами, пользовался руководством Белинского. В письме к своему учителю и высокому другу в 1840 году Кольцов писал: «Не шутя и не лстя го-

ворю вам, давно я вас люблю, давно читаю ваши мнения, читаю и учу; но теперь читаю их больше и больше, и учу их легче, и понимаю лучше. Много они уж сделали добра... Ваши мнения тащат быстро меня вперед... Апостол вы, а ваша речь — высокая, святая речь убеждения».

В начале тридцатых годов Кольцов встречался с философским кружком Станкевича. Эта идеалистическая философия сочеталась у поэта с традиционной религиозностью, что и отразилось на его молодом творчестве, в частности, в его «думах», где много идеалистического тумана. И сам Белинский еще был связан путями «примиренчества», что могло сбивать мысль Кольцова с правильного пути. В частности, восторг Кольцова вызвала статья о «Горе от ума», о которой потом сам Белинский отзывался отрицательно. Однако необходимо помнить, что во все периоды философских исканий, Белинский неизменно оставался бунтарем и демократом. В устных беседах с Кольцовым он, конечно, излагал поэту такие взгляды, какие лишен был возможности огласить в печати. Кольцов становился пропагандистом Белинского. Биограф-реакционер М. Де-Пуле с раздражением писал о его страсти «к пропаганде крайних идей Белин-

ЗВЕЗДА АЛТАЯ

12 НОЯ 1952

Горно-Алтайск